

Дискурсы постправды и постпамяти как категории современной философии политики

Русакова О.Ф.

Институт философии и права УрО РАН, заведующая отделом философии. Доктор политических наук

Rusakova_mail@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются дискурсы постправды и постпамяти как новые категории современной философии политики. Проводится анализ смысловых аспектов категории постправды, раскрываются ее базовые черты, стратегические установки, выявляются медиатехнологические характеристики. Дается пошаговый анализ процесса развертывания дискурса постправды в современной медиасфере на примере «дела Скрипалей». Раскрывается методологическая взаимосвязь дискурсов постправды и постпамяти в современной философии политики. Отмечается, что по своему смысловому наполнению дискурсы постправды и постпамяти обладают конфронтационными признаками по отношению к рационально-научному дискурсу, не приемлют принципы объективно-критического рационально-научного познания.

Ключевые слова: дискурс постправды, дискурс постпамяти, философия политики, медиатехнологии

Discourses of Post-truth and Post-memory as Categories of the Modern Philosophy of Politics. *Rusakova O.F.*

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS

Abstract. Discourses of post-truth and post-memory are considered as new categories of modern philosophy of politics. The analysis of semantic aspects of the category of post-truth is carried out, its basic features, strategic settings are revealed, media-technological characteristics are revealed. A step-by-step analysis of the process of deployment of post-truth discourse in the modern media sphere on the example of the “Skripal case” is given. The methodological interrelation of discourses of post-truth and post-memory in modern philosophy of politics is revealed. It is noted that in their semantic content discourses of post-truth and post-memory have confrontational features in relation to rational-scientific discourse, do not accept the principles of objective-critical rational-scientific knowledge.

Keywords: post-truth discourse, post-memory discourse, philosophy of politics, media technologies

Философско-политический анализ феномена постправды сравнительно недавно оказался в фокусе изучения представителей современно философии политики. Внимание к данному феномену особенно усилилось после того, как в 2016 г. термин «постправда» (Post-truth) был выбран составителями Оксфордского словаря словом года. Понятие «post-truth» в данном словаре определяется как «обстоятельства, при которых факты объективной реальности оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям»ⁱ. Важным вкладом в понимании сути дискурса «постправды» стала книга Р. Кейса, изданная в 2004 г.[1]. Автор, описывая эпоху постправды, определяет её как эру размывания границ между вымыслом и фактами, нечестностью и честностью. В 2016 г. в журнале The Economist вышла статья «Политика постправды: искусство лжи»ⁱⁱ, в которой утверждается, что политические лидеры постоянно так или иначе искажают реальность, что поддерживается разнообразными СМИ.

Среди отечественных исследователей феномена постправды следует выделить С.В. Чугрова, который отмечает, что распространение дискурса постправды в современном мире приводит к уменьшению роли научного знания, аргументов, логичных доказательств в формировании общественного

i “After much discussion, debate, and research, the Oxford Dictionaries Word of the Year 2016 is post-truth – an adjective defined as ‘relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief’”// URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>

ii Art of the lie // The Economist. 2016. September 10. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/09/10/art-of-the-lie>

мнения, поскольку они попросту игнорируются. Автор утверждает, что в эпоху постправды свобода как ценность либеральной философии политики деградирует, становится фикцией [2]. В отечественной литературе дискурс постправды часто рассматривается как комплекс медиатехнологий. К примеру, анализируется группа следующих приемов медиавоздействия на целевую аудиторию: прайминг, фрейминг, установление повестки дня. Отмечается, что в эпоху глобализации и распространения сети Интернет возникают новые медиатехнологии распространения постправды. К ним относятся эмоционализация, развлекательность (шоуизация) и персонификация политики [3]. Для феномена постправды характерны такие черты как предпочтение текстов с высокой эмоциональной нагрузкой в ущерб информационной, геймификация, связанная с широким использованием игровых технологий и спектаклярных подходов; игнорирование такого фундаментального требования познания как проверка информации на истинность; некритическое восприятие фейковых новостей, основанных не на фактах, а на вымысле и др. В качестве примера широкого распространения дискурса постправды можно назвать так называемое «дело Скрипалей», когда в течение года по всему миру распространялись не подкрепленные фактами утверждения о применении российскими спецслужбами боевого отравляющего вещества на территории Великобритании.

Современная информационная война, осуществляемая на основе применения дискурса постправды, может быть представлена в виде некоего долгоиграющего сериала, состоящего из целого ряда сценарных шагов, которые могут выглядеть следующим образом:

Шаг первый – использование некоего впечатляющего образа для провозглашения грозного обвинения в адрес заранее назначенного виновника, который, якобы, нарушил базовые принципы общественной жизни. При этом происходит вбрасывание мемов типа «Russian did it».

Шаг второй – организация мощной информационной атаки с расчетом на то, что обвиняемая сторона не сможет своевременно дать ответ на предъявляемые ей обвинения по принципу «Highly likely».

Шаг третий – без проведения какого-либо специального расследования проводятся международные акции с целью создания единого фронта мировой элиты против обозначенного противника, происходит формирование устойчивого массового представления об его виновности.

Шаг четвертый – наложение на противника санкций с целью ослабления его политического влияния, подрыва его военно-стратегической, экономической и информационной мощи.

Шаг пятый – в том случае, когда обвиняемая сторона приводит аргументы в пользу своей невиновности, используется прием ссылок на секретные документы и разведданные, которые нельзя публично обнародовать, но которым следует доверять.

Шаг шестой – в целях того, чтобы внимание публики к скандалу не ослабевало, время от времени в политическую пьесу вводят все новых персонажей.

Категория постправды по своим методологическим параметрам весьма близка категории постпамять. Понятие «постпамять» (англ. – postmemory) было введено в широкий научный оборот профессором Колумбийского университета Марианной Хирш [4]. Согласно исследователю, приставка «пост» означает, что при передаче исторической памяти от поколения к поколению важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образа прошлого.

Одновременно с этим осуществляется формирование медиаобразов так называемой альтернативной истории, противопоставляемой советским и российским официальным версиям. Суть дискурса постпамяти можно сформулировать следующим образом: дискурс постпамяти – это способ конструирования альтернативной истории посредством разделения участников исторических событий на две категории: «нация-преступник» и «нация-жертва». Идеологически данный подход сегодня подкрепляется концепцией двух равнозначных по своей жестокости и несправедливости тоталитарных режимов – нацистского и советского. Те нации, которые испытали давление обоих режимов, представляются в роли «двойной жертвы», что предполагает особо трепетное и щадящее внимание к их травмированной исторической памяти. Главными носителями данного «жествостроительства» выступают институты национальной памяти, которые настойчиво используют «оккупационную» риторику.

Технологический арсенал политики постпамяти часто включает процедуры по конструированию идейно-враждебных советской коммемораторной практике новых политических символов, праздничных дат, пантеонов героев и т.п., предназначенных для вытеснения из массового сознания прежние образы советского прошлого.

Отдельно следует выделить общий контр-рациональный характер дискурсов постправды и постпамяти. Здесь важно отметить, что обработка массового сознания посредством данных дискурсов нацелена на замещение рационально-логических компонентов в мышлении публики эффектами эмоциональных потрясений, чувственных переживаний.

Производство впечатлений давно уже превратилось в целую массмедийную индустрию.

Назовем исходные схематизмы дискурса контр-рациональной логики: а) установка на недоверие к доводам и аргументам официальной науки; б) категорическая неприемлемость рационально обоснованной критики всевозможных мифов и стереотипов массового сознания; в) продвижение псевдонаучного знания и популяризация лженауки.

Подводя некоторые итоги представленного нами анализа дискурсов постправды и политики постпамяти как категорий современной философии политики, можно констатировать следующее:

1. дискурсы постправды и постпамяти направлены на обслуживание интересов определенных политических сил (прежде всего, неолиберального толка), а потому могут не иметь отношения к политической правде, поскольку являются прежде всего инструментами современной информационной борьбы;
2. медиатехнологический арсенал данных дискурсов активно связан с процедурами манипуляции массовым сознанием, продуцированием «альтернативных фактов» и фэйковых новостей (fake-news), созданием эмоционально впечатляющих медиа-эффектов, что в итоге приводит к вытеснению рациональных компонентов из массового восприятия политической действительности;
3. дискурсы постправды и политика постпамяти культивирует наиболее низменные предрассудки в угоду своеобразно понятым «национальным интересам», действует в соответствии с заданными политическими установками, когда становится выгодным представлять ту или иную нацию в качестве жертвы коммунистического режима и проводить радикальную отстройку от советского прошлого. Все это - крайне опасный горючий материал, вбрасываемый в массовое сознание, который современная философия политики призвана глубоко проанализировать и подвергнуть конструктивной критике.

Литература:

1. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. St. Martin's Press, 2004. 325 p.
2. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42-59.
3. Лукьянова Г.В. Медиатехнологии конструирования постправды // Всероссийская научно-практическая конференция «Политика постправды и популизм в современном мире», Санкт-Петербург, 2017. С. 132-133
4. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 320 p.

Новое осмысление теории «симфонии властей»

Седых Т.Н.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник,
кандидат политических наук*

tatiana_sedykh@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается история взаимодействия церковной и светской властей, теория их симфонического согласования, разработанная в Византийской империи. Особое внимание уделяется правовому основанию симфонии властей, разработанному в период правления императора Юстиниана. Проанализировав исторический опыт воплощения в жизнь византийского проекта, автор пришел к выводу о невозможности соблюдения условий для его реализации и нецелесообразности подобных попыток на современном этапе развития России. По мнению автора, теория «симфонии властей» в настоящий момент может служить основанием построения нового типа взаимодействия церковной и светской властей, учитывающего как современные российские политические и духовно-культурные условия, так и все возрастающую роль в жизни страны гражданского общества.

Ключевые слова: государство, церковь, гражданское общество, симфония властей

A New Review of the Theory of “Symphony of Authorities”. *Sedykh T.N.*

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The report examines the history of interaction between church and secular authorities, the theory of their symphonic harmonization, developed in the Byzantine Empire. Particular attention is paid to the legal basis of the symphony of authorities, developed during the reign of Emperor Justinian. After analyzing the historical experience of implementing the Byzantine project, the author came to the conclusion that it is impossible to comply with the conditions for its implementation and the inappropriateness of such attempts at the present stage of development of Russia. According to the author, the theory of a “symphony of authorities” at the moment can serve as the basis for constructing a new type of interaction between church and secular authorities, taking into account both modern Russian political and spiritual-cultural conditions, and an ever-increasing role in civil society.

Keywords: state, church, civil society, authorities symphony

Тема взаимоотношений церкви и государства для современной России является предметом острых дискуссий и стала особенно актуальной после поздравления В. Путиным предстоятеля Русской православной церкви с десятилетием интронизации. Слова главы государства о важности сохранения ценностей, почитаемых как православием, так и другими традиционными религиями России [1], представители экспертного сообщества, политологи, журналисты восприняли неоднозначно, представив их как «демонстрацию того, что называется симфония церкви и государства» [2]. В этой связи рассмотрение теории симфонии властей, ее интерпретаций и модификаций представляется своевременным и необходимым.

Кратко описывая историю взаимоотношений светских и церковных властей, необходимо отметить, что с древнейших времен на правителя, кроме его непосредственных обязанностей по руководству страной, была возложена обязанность быть связующим звеном между гражданами своей страны и Богом. Все государственные институты того времени образовывались в теснейшей взаимосвязи с религиозными порядком и установлениями. Глава государства признавался, если не божеством, то проводником божественной воли на земле. Яркими иллюстрациями подобного отношения к правителю являются слова персидского царя Дария I о том, что именно верховный бог Ахурамазда, создавший небо, землю человека, сделал самого Дария царем и вручил ему царство [3, с.4], галерея изображений на стенах древнеегипетских храмов Птолемеевской эпохи, на которых правитель изображается